

УДК 811.111'42

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ:
 КЛАССИФИЦИРУЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ – ПОНЯТИЕ – КОНЦЕПТ
 А.Е. Бочкарев (Нижний Новгород, Россия)**

А.Е. Бочкарев. Эпистемологические основания категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт. Многие модели понимания, определенные с помощью анализа различных способов категоризации, такие как классифицирующее понятие, понятие, концепт, показывают, каким образом мир воспринимается в любой области знаний. Тем самым категоризация представляет собой последовательность терминов в которой каждый термин связан с другим моделью понимания.

Ключевые слова: категоризация, концепт, знание, понимание.

А.Е. Бочкарьов. Епістемологічні підстави категоризації: поняття, що класифікує – поняття – концепт. Багато моделей розуміння, визначені за допомогою аналізу різних способів категоризації, такі як поняття, що класифікує, поняття, концепт, демонструють, яким чином світ сприймається в будь-якій області знань. Тим самим категоризація є послідовність термінів, у якій кожен термін пов'язаний з іншим моделлю розуміння.

Ключові слова: категоризація, концепт, знання, розуміння.

A.E. Bockkarev. Epistemological bases of categorization. Many modes of understanding, determined by analysis of the different possible kinds of categorization, such¹ as idea, notion, or concept, show how the world is perceived in any field of knowledge. In this way categorization is a sequence of terms in which each term is related to each other term by the mode of understanding.

Key words: categorization, concept, knowledge, understanding.

В восприятии действительности человек руководствуется, о чем свидетельствует многообразие видов и способов категоризации, разными системами знаний. Каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не ограничивается воспроизведением вещи такой, как есть, а воссоздает ее в категориях соответствующей системы представлений. В качестве модуса видения каждая систематика задает свое “понятие”, каждое “понятие” утверждается специфической формой ряда, а каждая форма постигается через устанавливаемые внутри ряда отношения.

“Всякое видение, – пишет Дж. Серл, – есть “видение как”” [Серл 2002: 133]. Когда некто смотрит, например, на свои ботинки, он видит их сразу и как ботинки, и как свои ботинки. В первом случае ботинки воспринимаются в

совокупности таксономических свойств типа /артефакт/, /покров/, /обувь/, во втором – в совокупности характеризующих свойств типа /летние/ – /зимние/, /старые/ – /новые/ и т. п. “Видение как” структурирует восприятие в соответствии с заданным набором релевантных свойств, по которым определяются в когнитивной проекции окружающие нас вещи. Ибо воспринимать нечто как *ботинки*, как *дерево*, как *утку* или как *кролика*, можно, согласимся, лишь при условии, если воспринимаемые нами эмпирические формы соответствуют привычным для нас представлениям о том, как выглядят и какими свойствами обладают обычно *ботинки*, *дерево*, *утка* или *кролик*. И даже, продолжает Дж. Серл, когда изображенные на картинах сюрреалистов предметы расходятся с привычными ожиданиями, идентификация изображения совершается опять-таки путем соотнесения с известными схемами восприятия. Так что даже *провисшие часы* на картине Сальвадора Дали остаются по-прежнему часами, *трехголовая женщина* – женщиной, ибо помимо “странных” свойств обладают все-таки некоторыми общеизвестными таксономическими свойствами, по которым определяются представители данных категорий. Идентификация чего-то как того-то или того-то, заключает Дж. Серл, возможна, таким образом, только благодаря категоризации, образующей в терминах гештальтпсихологии некий общий фон, на котором воспринимаются созерцаемые нами внешние формы и на котором, самое главное, эти формы идентифицируются именно как *ботинки*, как *дерево*, как *утка*, как *кролик*, как *женщина* или как *часы*.

1. По свидетельству историков, тенденция к категоризации намечается уже в донаучном мышлении. Ибо если категоризацию понимать как придание определенности недифференцированному целому [Кассирер 2002, 1: 222; Лосский 1991: 198-199], а уделом категоризации считать понимание предмета по наиболее существенным его свойствам, начатки категоризации можно обнаружить уже в первичной номинации. Сходной оказывается, во всяком случае, общая тенденция к подведению элементов в форму “понятийного” ряда по какому-то общему для всех элементов квалифицирующему признаку. Так, рус. *подснежник*, например, определяется в отношении к *снегу*, а устанавливаемые в этой связи признаки /нечто/, /под снегом/ задают, можно сказать, первичное “понятие”: “квалифицирующее понятие” (Э. Кассирер). Из этого, конечно, не следует, что образованный таким образом ряд совпадает с родом. В отличие от традиционных родовых понятий первичное понятие остается не более чем псевдопонятием, ибо основывается не на объективных связях между объектами, а на каком-то случайно подмеченном их сходстве. Но именно это сходство, каким бы случайным оно ни казалось [Серебренников 1977: 155; ср. Степанов 1997: 61], и задает специфическую форму ряда: “существенный момент той “внутренней формы”, благодаря которой языки приобретают специфические отличия” [Кассирер 2002, 1: 232].

С архаическими формами категоризации совпадает во многом детское мышление. Как показывают экспериментальные исследования, процесс

образования понятий включает последовательно несколько этапов. На начальной стадии психического развития значение синкретично и диффузно, ибо распространяется на ряд объединенных во впечатлении ребенка, но внутренне не связанных между собой вещей [Выготский 1982, 2: 136]. Ярким тому свидетельством является хотя бы классический пример из детского лексикона: *луна* → *лимон* или *абжур* → *арбуз*. Когда ребенок называет арбузом доселе неизвестный ему предмет в виде круглого матового колпака, аналогия между разносистемными элементами устанавливается по общему свойству – шаровидности. “Тут, – пишет А.А. Потебня, – произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом. Назвав белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной серединки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса <...>. Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова” [Потебня 1941: 17].

На последующем этапе развития предметы объединяются в некие более или менее упорядоченные комплексы, ибо, сближаясь в один ряд, подводятся под общее значение на основе действительно существующих между ними объективных связей. Мышление в комплексах отличается от синкретического мышления главным образом тем, заключает Л.С. Выготский, что “вместо “бессвязной связности”, лежащей в основе синкретического образа, ребенок начинает объединять однородные предметы в общую группу <...> по законам объективных связей, открываемых им в вещах” [Выготский 1982, 2: 139].

Обращение к объективным связям между вещами – еще не понятийное мышление, а значение, установленное путем подведения предметов под общее значение, еще не понятие. Ибо, пусть производимая в комплексном мышлении систематизация и совершается путем генерализации, в основе комплектации предметов по комплексному принципу лежат все-таки не абстрактно-логические, а открываемые в непосредственном опыте фактические, непременно конкретные связи. Так что элементы, входящие в состав комплекса, связываются между собой самыми разнообразными отношениями, а один и тот же элемент входит по различным своим признакам в разные комплексы. Именно многообразие связей, лежащих в основе комплекса, составляет, таким образом, главнейшую черту, по которой комплексное мышление отличается от мышления в понятиях: (i) элементы комплекса связаны между собой разнотипными отношениями, тогда как в основе понятия лежат связи одного и того же типа; (ii) в комплексе отражается фактическая, случайная, конкретная, а в понятии – существенная связь между окружающими нас вещами и явлениями; (iii) в комплексе нет никакой иерархии признаков: все признаки принципиально равны в функциональном отношении.

Выделение отдельных квалифицирующих признаков из общего комплекса признаков происходит, таким образом, еще в раннем возрасте, но переход от

изолирующей к генерализирующей абстракции становится возможным, по наблюдениям психологов [Выготский 1982, 2: 130-131, 139-166; 1984, 4: 103-104, 119-121], только в переходном возрасте, в период полового созревания, когда формируется категориальная картина действительности. Онтологически существенные (родовые) признаки усваиваются, стало быть, в последнюю очередь, причем действительно значимыми становятся не сами по себе признаки, а устанавливаемые на их основе связи и отношения между вещами.

Так приходим к принципиальным для категоризации установлениям:

- В детском и архаическом мышлении становление понятий совершается более или менее сходным образом. Недостаток объективных связей между вещами компенсируется “переизбытком субъективных связей”, так что разнотипные вещи подводятся под общее значение по какому-нибудь акцидентному квалифицирующему признаку. В этом заключается, собственно говоря, синкретизм детского и архаического мышления.
- Образование понятий совершается, пока не сложатся подлинные понятия, путем последовательного перехода от одной структуры обобщения к другой – от элементарного к более высоким типам обобщения. Действительно релевантными являются при этом не сами по себе признаки, а устанавливаемые на их основе связи и отношения между вещами.
- Поскольку понятийное мышление тесно связано с речевым мышлением, образование понятий можно изучать только в отношении к функциональному использованию языковых знаков. На разных этапах формирования понятия референция к внеязыковым объектам может оставаться идентичной, тогда как значение слова *развивается* путем изменения системы связей и отношений, которые за ним скрываются – от диффузного значения к наглядному, а затем, наконец, и к категориальному значению.

2. В традиционном освещении учение о категориях совпадает с учением о естественных родах. Категорию определяют по наиболее существенным свойствам, которыми обладают по определению все входящие сюда элементы, а от этих свойств заключают к содержанию понятия. Понять, например, что собой представляет *собака*, можно только в рамках соответствующей категории: //животные// → /животное/, //собаки// → /собака/ и т. п. Так по принадлежности категории устанавливают наиболее существенные свойства всякого входящего в категорию элемента, а в этих свойствах усматривают в обратном порядке необходимые и достаточные условия для образования категории.

В онтологической картине мира основанием подведения вещей под понятие, а заодно и критерием адекватности выделяемых в понятии свойств, может быть только объективное знание. За неимением такого знания “ряды сходств” складываются произвольно, а образуемое случайным образом “понятие” не дает нам ничего для понимания сущностных свойств

обозначаемой словом вещи. Так, подводя *собак* и *гусей* под множество прожорливых существ в выражении вида *Не гуси – прожорливые собаки*, мы получаем не какое-то логическое понятие, а разве только оценочное суждение, не дающее нам ничего для понимания того, чем являются в действительности *гуси* и *собаки*. Более пригодными являются, разумеется, таксономические знания. Эти знания позволяют, во всяком случае, установить, что по принадлежности классу //животные// ‘собака’ характеризуется по признаку /животное/, по принадлежности классу //собаки// – по признаку /собака/, а по существующим внутри класса отличиям – по признакам /сторожевая/, /охотничья/ или /дворовая/. Так задается онтологическая модель мира; причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели [Кассирер 2002, 1: 41, 47; ср. Лакофф 2004: 283].

Принципиальными для семантики становятся в итоге такие положения:

- В онтологической картине мира категоризация – итог познания вещей по наиболее существенным их свойствам, а также связям и отношениям с другими вещами.
 - Строчение онтологических классов задается системой объективного знания.
 - В онтологическом ракурсе к компонентам значения всякого именного выражения приходится заключать от объективных свойств обозначаемой этим выражением вещи, а об истинностном значении суждения опять-таки судить по тому, насколько предсказуемые признаки соответствуют объективным свойствам вещи:
- Суждение истинно, когда отношение субъекта к предикату основывается на объективно достоверных сведениях, а субъект суждения тем самым заключает в себе основание предиката. Например, в суждении *Собака лает* отношение предиката к субъекту истинно, потому что свойство, по которому характеризуется *собака*, не противоречит свойствам класса: *собаки* по определению могут лаять. Так таксономические знания образуют необходимый семантический фон, на котором воспринимаются отдельные свойства, состояния или действия индивидуальных объектов как объектов того или иного класса.
- Суждение ложно, когда отношение субъекта к предикату противоречит объективным знаниям. Например, в высказывании *My dog has wings* “у моей собаки есть крылья” отношение субъекта к предикату ложно, разве только вообразить какую-то фантастическую собаку, ибо, как замечает У. Чейф, у собак нет крыльев, они не умеют летать, а только бегать и прыгать [Чейф 1975: 100–101]. Так таксономические знания задают ограничения на сочетаемость лексических единиц, а всеобщий характер этих знаний делает эти ограничения универсальными – одинаково обязательными для говорящих по-русски, по-английски или по-японски.
- Суждение неопределенно, когда неясно, насколько присоединенный предикат соответствует субъекту суждения. Поэтому, замечает Ж. Клейбер, словосочетание типа *желтая собака* можно истолковать разве

только в референтном употреблении [Kleiber 1990: 130-131]. Причем в условиях, добавим, только определенной (“прозрачной”) референции, когда область референции сужается с класса до индивида, а сквозь значение референтного выражения, говоря словами Б. Рассела, как бы просвечивает индивидный объект, на который указывает это выражение.

- Поскольку классы строятся на родовидовых отношениях, именно способ построения класса позволяет установить в микросемантическом анализе различие между родовыми и видовыми признаками. Так, внутри класса //собаки// ‘овчарка’, ‘пудель’, ‘борзая’ и ‘дворняжка’ совпадают по родовым признакам /животное/, /собака/, но различаются по видовым признакам /сторожевая/ vs /охотничья/ vs /декоративная/ vs /дворовая/.

3. Классическая теория категорий вызывает нередко нарекания. Чтобы показать неадекватность классических построений, Дж. Лакофф приводит, в частности, свидетельства из области зоологии, в том числе различия кладистской и фенотипической моделей в таксономии животных [Лакофф 2004: 246-259]. Поскольку эти модели придерживаются разных критериев классификации, “естественные роды” группируются, нельзя не согласиться, по-разному: по синапоморфным признакам, на которых основывается кладистская модель, *птицы* и *крокодилы*, например, объединяются в одну группу, а по автапоморфным признакам, которыми руководствуются фенотипическая модель, в разные группы животных.

Более убедительным доводом против объективистских принципов категоризации является скорее тезис о том, что в действительности категоризация сложнее и разнообразнее, что объективные научные таксономии не отменяют другие виды знания, в том числе систему обыденного знания (*doxa*), и что в категоризации необходимо, наконец, учитывать разные систематики. Весьма показательным является в этой связи разбираемый Дж. Лакоффом и М. Джонсоном пример о том, как воспринимается в обыденном сознании амер. *time* “время” [Лакофф, Джонсон 2004: 28-30; ср. Лакофф 2004: 276-278, 283, 383-384, 406; Падучева 1999: 761-776]. Подобно деньгам или другим материальным ценностям, констатируют авторы, *time* “время” переосмысливается в метафорической проекции как некий осязаемый ресурс, который можно рассчитать (*budgeted*), сэкономить (*saved*), потратить (*spent*), потерять (*lost*), транжирить (*wasted*), использовать с выгодой (*used profitably*) и даже расхищать. На примере указанных выражений можно, разумеется, рассуждать, насколько метафоричной является обыденная наша понятийная система, функционируют ли метафоры в языке поодиночке или семьями, говорить о видах метафоры, обсуждать, чем толкование субстантивной метафоры *время – деньги* отличается от толкования предикатной метафоры *транжирить время* и насколько “стертыми”, наконец, являются в языке разбираемые метафоры. Но в кругу обсуждаемых нами проблем особый интерес вызывает главным образом вопрос, как преобразуется восприятие *времени* в обыденном сознании, насколько связанный с метафорой

“категориальный сдвиг” подрывает основы объективной категоризации и как, наконец, способ представления в мысли подменяет реальное положение вещей. В этой связи нельзя, во всяком случае, не заметить, что присоединенные предикаты не совпадают с таксономическим знанием и что субъекту суждения предикуются свойства, по которым определяются обычно элементы другого класса. Категориальный сдвиг модифицирует объективное видение вещей, а вследствие автоматизации становится впоследствии конвенциональным, привычным и чуть ли даже не объективным, что выдается в данной установке мнения за достаточное основание самих суждений: *Время – деньги* или *Я понапрасну потратил целый час сегодня утром*. В терминах А.А. Потебни можно в этой связи сказать: “...объясняющему образу, имеющему субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом” [Потебня 1976: 432-433].

Не будучи, конечно, универсальной, такая концептуализация *времени* укореняется в обыденном сознании, так что многие американцы, заключает Дж. Лакофф, уже не замечают метафоричность выражений, а воспринимают их скорее как объективную характеристику того, чем является “на самом деле” *время*. Причем аргументом в пользу такой концептуализации, а заодно и интерпретантом метафорического отношения между ‘time’ *время* и ‘money’ *деньги*, здесь служит, очевидно, топос американского образа жизни в виде если не абсолютно истинного, то хотя бы общепринятого суждения: *чтобы заработать деньги, требуется время или чем больше тратится времени, тем больше вознаграждение*. Такая посылка позволяет, во всяком случае, преодолеть “категориальный барьер” (Н.Д. Арутюнова), а заодно и построить категорию из элементов разносистемных парадигм, куда включаются одновременно корреляты *времени* и *денег*, а *время* определяется по свойствам *денег*.

Установка на “внутренний” реализм позволяет, таким образом, сформулировать некоторые принципиальные для семантики положения:

- Понимание релятивно системе знаний, мнений или убеждений, в рамках которой совершается понимание. И даже если бы эти знания, мнения или убеждения были ложными, все равно они сохранили бы значимость хотя бы в данной системе мнения. Исключительно потому, что такие данные суть “концептуально инфицированные” данные [Патнэм 2002: 77].
- Поворот от мира, каким он является, к миру, как он понимается, меняет кардинальным образом критерии верификации истинностного значения суждений: истинностное значение суждений релятивизируется отныне относительно системы мнений, в которой оформляются эти суждения.
- Поскольку в системе обыденного знания классы создаются, как правило, из элементов разносистемных парадигм, именно строение класса позволяет установить в микросемантическом анализе различие между ингерентными и афферентными, собственными и привходящими, признаками:

- ингерентные признаки устанавливаются на основе симметричных отношений между семемами того же системного класса: ср. ‘пудель’ /комнатно-декоративная/ vs ‘овчарка’ /сторожевая/ внутри класса //собаки//;
- афферентные признаки устанавливаются на основе асимметричных отношений между семемами разных системных классов: ср. ‘овчарка’ /злая/ (//собаки/) → ‘человек’ /злой/ (//люди/).

4. *Место заключения.* В восприятии действительности человек руководствуется, о чем свидетельствует многообразие видов и способов категоризации, разными системами знаний. Причем, каким бы ни был способ смыслополагания – чувственно-созерцательным восприятием, научной таксономией или обыденным представлением, общим остается моделирующий принцип: понимание не ограничивается воспроизведением вещи такой, как есть, а воссоздает ее в категориях соответствующей системы представлений. Поэтому в отношении тех же самых, казалось бы, вещей и при той же, добавим, референции квалифицирующее понятие не совпадает с научным понятием, специально-научное понятие – с обыденным представлением. В качестве модуса видения каждая систематика задает свое “понятие”, каждое “понятие” утверждается специфической формой ряда, а каждая форма постигается через устанавливаемые внутри ряда отношения.

Вместе с формой ряда модифицируется необходимым образом и форма отношения, а вместе с формой отношения и содержание “понятия”. По свидетельству историков, в донаучном созерцательном познании “ряды сходств” складываются произвольно, а устанавливаемые внутри ряда отношения отражают если и не случайные, то далеко не существенные свойства вещи.

С переходом к познанию иного смыслового масштаба, более совершенному с точки зрения сущностных свойств вещи, меняется необходимым образом и форма ряда, а вместе с ней и содержание “понятия”. Так, в первичной номинации нем. *Hund* “собака”, например, определяется в отношении к дичи, ибо профилирующим свойством именованной вещи признается по определению отводимое ей предназначение: *ловить дичь*. В таксономической обработке категориальное значение задается, напротив, в отношении к хищным млекопитающим, домашним животным, а профилирующими становятся соответственно онтологически релевантные свойства /млекопитающее/, /животное/, /хищное/, /домашнее/ и т. п. Но, каким бы непрерываемым с точки зрения объективного знания ни было научное понятие, подводимый под “понятие” ряд не замыкается на таксономии “млекопитающие”, “семейство псовых” или “домашние животные”, а эволюционирует вместе с представлениями, чем является “на самом деле” для человека *собака*. В системе *doxa* сюда включаются, как ни странно, даже члены семьи, так что ‘собака’ определяется в терминах семейного родства еще и в отношении к дочери или сыну, а профилирующим в актуальном контексте мнения становится признак

/член семьи/: ср. *Мама любит своего сыночка* ('собака') (из рекламы собачьего корма по центральному телевидению).

“Понятие” обосновывается и утверждается, таким образом, не путем перечисления того, что под него подпадает, а интенционально – в форме устанавливаемых при его посредстве отношений: R_1, R_2, R_3, R_n . В отношении к *дичи*, например, в содержании понятия ‘собака’ актуализируется признак /охотник/, в отношении к *домашним животным* – /домашнее/, /животное/, а в отношении к *членам семьи* – /член семьи/. Причем в рамках любого понимания, имеем ли мы дело с научным или квалифицирующим понятием, понятием или концептом, форму определения нельзя смешивать с вещью, а какой-то формообразующий момент – гипостазировать в ущерб другим. Вместо догматического принципа *или – или*, с которым мы сталкиваемся нередко в теории значения, более приемлемым является скорее принцип *и – и*: разные “точки зрения” не отменяют друг друга, а находятся в отношении дополнительности. Единство значения обеспечивается в таком случае не тем, что все формы знания восходят к общему объекту, а тем, что образуют совместно *систему*, отдельные части которой предполагают друг друга в необходимом их различии. Так, говоря словами Э. Кассирера, единство субстрата заменяется функциональным единством [Кассирер 2002, 3: 163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. Собрание сочинений в шести томах. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
2. Выготский Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский. Собрание сочинений в шести томах. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 5–242.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. В трех томах / Э. Кассирер – М.; СПб. : Университетская книга, 2002. – 272 с., 280 с., 398 с.
4. Kleiber G. La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical / G. Kleiber. – Paris : P.U.F., 1990 (réédition : 2004). – 199 p.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
7. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма / Н.О. Лосский. – Избранное. – М. : Правда, 1991. – С. 11–334.
8. Падучева Е.В. К семантике слова время: метафора, метонимия, метафизика / Е.В. Падучева // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. ст. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М. : ОГИ, 1999. – С. 761–776.
9. Патнэм Х. Разум, истина и история / Х. Патнэм. – М. : Практика, 2002. – 296 с.

10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М.-Л., 1941. – Т. 1– 2.
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
12. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы) / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1977. – С. 147–187
13. Серл Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
15. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор Парижского университета Сорбонна (IV), доктор филол. наук, профессор кафедры французской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; e-mail: abotchkaev@sinn.ru